

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ I. ПРОЛЕГОМЭНЫ	25
«Все мы вышли из грушинской шинели...»	29
Татьянин день в советской социологии	41
Мучительное рождение и тяжелое детство	46
Одиссея помощников партии	53
ЧАСТЬ II. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ	63
«Окончательная бумага»	68
Завтрак в «Туристе»	76
«А вы не из КГБ?»	83
Есть мнение!	94
Пробудившиеся миллионы	104
Грушин уходит	115
«Не подымайте цены!»	129
В самостоятельном плавании	139
Парад суверенитетов	147
Между Горбачевым и Ельциным	157
Прощание с СССР	163

ЧАСТЬ III. ВРЕМЯ ЛЕВАДЫ	181
«...Мы уже на дне и хуже не будет».....	185
Социология для пломбира.....	198
«Чтобы не стряслась беда, голосуй...».....	208
Номо postsoveticus	211
Расставание с иллюзиями.....	220
Вторжение в Чечню	230
Год неоплаченных долгов	235
Праздник перед дефолтом.....	246
Конец эпохи.....	255
Разворот над Атлантикой.....	263
Взорванный год.....	267
Новая надежда.....	280
Армагеддон на Гудзоне.....	296
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ 1 И 2 ТОМОВ	302
Интервью	318
Материалы сайта ВЦИОМ.....	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общественное мнение существовало всегда, если понимать под ним рефлексию массового сознания в отношении социально значимых, то есть затрагивающих интересы людей, событий в жизни социума. Можно назвать два основных смысла понятия «общественное мнение». Один из них — некоторое суждение множества индивидов, формируемое и выражаемое тем или иным способом. Второй (основной) смысл — общественное мнение есть политический институт, пятая власть в обществе в добавление к четырем другим — законодательной, исполнительной, судебной и средствам массовой коммуникации. Согласившись с этим, можно сделать следующий шаг — представить себе цели деятельности, направленной на изучение общественного мнения. Их тоже две. Первая цель — содействие выражению общественного мнения. Вторая — поддержка полноценного участия общественного мнения в жизни гражданского общества: пробуждение и формирование общественности, повышение уровня ее самосознания, помощь в установлении ее связей с другими политическими институтами, прежде всего с институтами власти.

Применительно к советскому периоду можно уверенно говорить об общественном мнении лишь в первой ипостаси. Вторая ипостась осталась нереализованной, ибо не было условий для ее функционирования в качестве одной из ветвей власти в тогдашнем советском обществе. Но именно туда, в еще неизведанное, но уже чаемое, мыслимое будущее, сумел заглянуть Борис Грушин, один из основателей ВЦИОМ. Благодаря ему были получены свидетельства пробуждения гражданских чувств, обновления языка гражданского общения и форм участия в общественной дискуссии¹.

---

¹ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.

Но обо всем по порядку.

Часто звучат слова о страхе, который испытывали люди в сталинские довоенные и послевоенные времена. Но важно помнить и о том, что не была здесь исключением и сама власть: она тоже испытывала специфический страх, едва ли не смертельно боясь разрушения иллюзии единодушия народа. «В период нашего славного прошлого <...> опросов боялись. Боялись, между прочим, потому, что вдруг они покажут 3–5% (уж никто тогда не думал про 10%), которые не согласны. И это рушило бы картину единодушия, единомыслия, монолитности всего. Это одна из причин того, что ни в одном тоталитарном обществе опросы не прижились. Если бывали, то секретными, для служебного пользования, *потому что никто не должен был знать, что кто-то не согласен* (курсив мой. — Б.Ф.)»².

Приведу два конкретных примера из разных периодов советской истории, они помогут прояснить отношение политического руководства страны к общественному мнению и его социологическому изучению. Первый из них относится к 1930-м годам, когда советская система начала переориентацию на внутренние и закрытые источники информации о состоянии общества. Понятие «закрытая партийная информация» обозначало очень многое. Партии и ее лидерам нужен был источник сведений, которому они только и могли доверять. Все остальные были дополнительными, «комплементарными» (и они никогда не стали «основными»), на которые лидеры не могли полагаться в полной мере. Сначала (в 1920-е годы) эта роль была возложена на отделы партийной информации при комитетах ВКП(б) всех уровней. Но уже тогда оказалось, что усилий партийцев здесь недостаточно, и поэтому союзником в деле информационного обеспечения партии стали органы ВЧК-ОГПУ-НКВД, в распоряжении которых находились источники негласного наблюдения и осведомления. В этой точке слились интересы политического сыска и политического руководства страны. Инспирированная обоими субъектами информация была признана достаточной для того, чтобы держать руку власти на пульсе страны³.

Второй (пример из моей жизни) относится к «застойному времени». В середине 1970-х годов Ленинградский обком при моем и Бориса

² Левада Ю. А. Что может и чего не может социология (запись публичной лекции на Полит.ру, вступительное слово Б. Долгина) // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 149–165.

³ Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

Докторова участия создал специализированную систему изучения общественного мнения. Речь шла об организации опросов среди работающего населения Ленинграда. Система была построена по научным правилам и предназначалась для зондирования мнений жителей по актуальным для партийных органов проблемам. Не без колебаний «заказчики» приняли нашу идею — впервые в истории КПСС выявить на основе социологического опроса и представительной выборки отношение рабочих и служащих к очередному съезду партии. Сравнительно легко согласовав техническую и организационную сторону дела, мы натолкнулись на одно неожиданное препятствие. «Заказчик» возражал против формулировок ответов на «настроечный» вопрос анкеты: «В какой мере вы знакомы с материалами XXIV съезда КПСС, опубликованными в печати?» Мы предложили традиционную для таких случаев равномерную шкалу ответов («ознакомился полностью», «ознакомился частично», «не ознакомился»), не подозревая (пишу обо всем совершенно искренно), что действительное распределение этих ответов может стать предметом серьезного служебного беспокойства «заказчика» (вдруг доля людей, выбравших второй и, «страшно подумать», третий ответ, будет настолько большой, что станет свидетельством равнодушного отношения трудящихся города, носящего имя великого Ленина, к главнейшему событию в жизни партии и страны?). Может быть, этот «настроечный» вопрос лучше убрать? Смущала «естественность» третьего ответа. Возможно ли, чтобы советский труженик не удосужился прочесть материалы съезда «без уважительных причин»? В окончательной редакции злополучный ответ выглядел так: «не успел ознакомиться с материалами партийного съезда». По легенде «сметливого заказчика», это должно было означать, что респондент хотел прочесть партийные документы, но какие-то внезапно возникшие обстоятельства помешали ему это сделать. Такова была тогда граница «правды», которую мысленно устанавливал «заказчик». Еще один возможный ответ («материалы съезда партии меня не интересуют») был связан с реальностью, вернее с той ее частью, куда «вход был строго запрещен». Лица, которые так думают, выявляли уполномоченные на то органы, с которыми у партии были свои отношения. Для их обнаружения не требовались исследования общественного мнения, содержащие «расстрельные» вопросы.

В итоге власть, которая исходила из незыблемости поддерживаемой ею системы, ограничилась «своими» массивами данных — донесениями об антипартийных и антисоветских настроениях, дестабилизирующих

режим, и сообщениями о поддержке политики руководства и лозунгов, укрепляющих режим⁴.

Понять, почему советские лидеры (верхние эшелоны власти) имели отрицательный взгляд на эмпирические исследования, можно, лишь установив нормы их отношения к социальной информации. Эти нормы были противоречивыми. Ценность информации определялась не только ее содержанием, но и условиями ее доступности. Будь социология созданием самой партии, признай ее партия универсальным средством сбора данных — все пошло бы по другому пути. Наступил бы прогресс дисциплины, но одновременно резко возросли бы ограничения на доступ к информации — ее смогли бы получать только центральный аппарат партии и КГБ⁵.

Социология в нашей стране появилась на свет как дитя интеллигенции. Но на ее судьбу повлияли и партийные либералы, благосклонно относившиеся к социологии, и люди, которые «с корыстными, неприглядными целями допускали, терпели, поощряли, держали на веревочке социологическую деятельность»⁶. Заметно выделялись на их фоне группы, которые настойчиво искали новые и честные способы научного понимания и объяснения советского общества. Правда, энтузиазм таких людей существенно превышал их профессиональные знания. Еще одна группа — «бойкие» люди, «которые знали языки, ругали то, что надо, переведя книги и используя цитаты, ездили, угождали и т. д.»⁷. Сложение разнородных усилий всех этих групп привело к созданию социологической науки — такой, какой она являлась в 1950–1980-е годы. Могла ли она быть иной — вопрос риторический. Важнее выяснить, как социология возникла из темноты сталинского времени и в качестве складывающегося социального института вступила в определенные отношения с обществом и властью.

Можно сказать, что драматическая история советской социологии была продуктом взаимодействия пяти принципиальных «акторов» на политической арене: интеллектуалов, многочисленных

⁴ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. С. 356–357.

⁵ Там же.

⁶ Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: Материалы симп. 23 марта 1994 г. / Под ред. В. А. Ядова, Р. Гратхофа. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. С. 50.

⁷ Там же.

представителей интеллигенции, властвующей политической элиты, партийного аппарата и КГБ⁸. Собственно массы в судьбе социологии заметных следов своего влияния не оставили. Впрочем, и сама социология не была центральной политической проблемой послесталинского времени. Однако поскольку в советском обществе едва ли не любой вид социологической деятельности переплетался с другими направлениями политического развития, то социологи, часто вопреки собственному желанию, оказывались вовлеченными в политическую борьбу и интриги.

Процесс возрождения социологии в конце 1950-х — начале 1960-х годов в полной мере отражает развитие разномыслия в советском обществе того времени. В сущности, это было движение за лучшее знание и более глубокое понимание общества, в котором тогда жили советские люди. Возродившуюся в конце 1950-х годов советскую социологию было трудно представить без исследований общественного мнения. Хотя идеи таких исследований носились в социальной атмосфере тех лет, их нелегко было разглядеть за призывами официальной пропаганды глубже изучать «возросшие потребности практики», разрабатывать «научно-обоснованную политику», «повышать эффективность управления социальными процессами». Сквозь дымовую завесу этой прогрессивной лексики угадывалось стремление показать народу, что послесталинское партийное руководство прокладывает путь к новому этапу развития страны. Эта фразеология позволила молодому поколению научных сотрудников, занятых в социальных науках и потому относившихся к идеологическому ведомству, воспользоваться благоприятной ситуацией и осуществить дерзкий прорыв в сферу, во многом неизведанную, малоисследованную, «въезд» в которую был по «спецпропускам».

После XX съезда партии стало трудно использовать репрессивный механизм. Поэтому началось, хотя и медленное, но неуклонное «восхождение на Голгофу» двумя социологическими отрядами. Один из них, апологетический отряд, всегда игнорировал глубинные пласты реальных процессов и явлений, сохранял на себе власть идеологических догм и схем, освоенных в молодости. Это были по преимуществу представители старшего поколения («отцы»), идеологическое начальство всех мастей и оттенков. Будучи пожизненными сторонниками

⁸ Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder; London: Westview Press, 1987. P. 73.

режима, они осознали, что режиму полезно придать цивилизованный вид, а жизни страны — несколько рациональный характер или, во всяком случае, видимость его⁹.

Совсем иным был социально-критический отряд, состоявший по преимуществу из представителей первого советского послевоенного поколения («дети»), оно же, по толкованию Ю. Левады, — «первое несоветское по своим ориентациям поколение», которое стремилось к раскрытию реальных картин общественной жизни, доказывая, что новая наука является своеобразным зеркалом нашего общества. Вследствие этого им приходилось слышать примерно следующее: «Я хорошо, комфортно себя чувствую, но являетесь вы со своим зеркалом, и я узнаю, что я не так обаятелен, глаза слезятся, желтые клыки изо рта выпирают, кривой нос. На кой черт мне ваше социологическое зеркало?»¹⁰. Их постепенно складывавшееся научное кредо — профессионализм, поиск нового типа знания об обществе, честность исследовательской деятельности, бескомпромиссность в оценке общественных явлений — стало причиной возникновения необычных практик разномыслия.

Общественное мнение в СССР существовало в двух формах — индивидуалистической и коллективистской¹¹. Для первой было характерно то, что мнение выражалось, однако его носитель мало знал о том, что по данному поводу думали другие. При второй форме это ограничение снималось, человек начинал видеть и осознавать свою позицию на фоне других суждений; более того, он получал возможность модифицировать свою точку зрения, видя, куда склонялся барометр мнений. В итоге даже в трудных случаях человек переставал бояться того, что его позиция могла отличаться от мнения остальных. Это позволяло ему преодолеть барьер идеологических запретов и боязнь инакомыслия. Гласный мониторинг общественного мнения пробуждал массы людей, до этого живших наедине со своим собственным представлением о жизни социума. Лидер,

⁹ Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: Материалы симп. 23 марта 1994 г. / Под ред. В. А. Ядова, Р. Гратхофа. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. С. 30

¹⁰ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 70, 79.

¹¹ Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder; London: Westview Press, 1987. P. 109.

поддерживавший по тем или иным причинам исследования общественного мнения, должен был опасаться того, что слишком интенсивное их развитие могло подорвать идеологию.

Существовало два способа ослабить этот опасный момент возможного прозрения общества: 1) понижать значимость проблем, выносимых на суд общественности; 2) подстраивать общественное мнение, а если потребуется, то и деполитизировать его в соответствии с избранным курсом. В брежневскую эпоху именно так и поступали, по существу, выставляя социологию (данные опросов об общественном мнении) на идеологические торги. Не приходится говорить, что в этих социальных условиях общественное мнение не могло существовать и функционировать как легитимный политический институт, как «пятая власть», реально участвовавшая в управлении гражданским обществом и непосредственно влиявшая на действия государства и его властных структур.

В известном смысле эти манипуляции с социальной информацией универсальны, ими пользовались и пользуются не только в СССР. Любой персонаж, оказавшийся на командном посту, будет стремиться к получению полезной для него информации, но одновременно думать об ограничении доступа к ней. Типично советским фактором, влиявшим на подход властных структур к эмпирической социологии, было их отношение к социальным инновациям, научно-техническому прогрессу. Такова официальная сторона дела. Однако вербальное поведение еще в середине 1960-х годов перестало совпадать с реальным. Социология в сознании дряхлеющих лидеров страны начала утрачивать свой ореол и, более того, разочаровала их. Нужна ли свобода социологической деятельности, о которой твердят представители этой науки, когда партия взяла твердый курс на отказ от радикальных перемен? Вопрос оказался далеко не риторическим, и если социологию нельзя было запретить, то ее следовало обуздать, приручить, «встроить» в контуры власти. Так было положено начало партийной социологии, получившей заметную институционализацию к началу 1970-х годов. Правда, для этого потребовалось не только создать новые звенья, приближенные к деятельности партийных органов и работающие по их прямому заказу, но и удалить творчески мыслящих людей из академических институтов, заменив их и там верными режиму людьми. Центры социологических исследований начали смещаться на периферию, некоторые периферийные научно-исследовательские институты получили «первые роли», возникла обширная

полупрофессиональная среда. Древяк социологического знамени оказалось в руках консерваторов.

Это породило технологию «боязливых проб и ошибок», которой руководствовались все звенья партийно-государственной иерархии, пытаясь попасть в точку, но не выйти при этом за пределы дозволенного «свыше». Таким образом, XX съезд КПСС открыл двери для эмпирической социологии, но из-за атмосферы неопределенности, царившей тогда в стране, аппарат мог разрешить движение только «мелкими шажками», постоянно озираясь на невыраженные и поэтому часто остававшиеся загадкой желания «верха». Понять эти «мелкие шажки» позволяют санкционированные «сверху» изменения официальных названий социологической деятельности: социальные исследования — конкретные социальные исследования — конкретные социологические исследования — прикладная социология и т. д. Удача (угадывание желаний «верха») вела к продолжению начатого дела, неудача (несовпадение с предпочтениями все того же «верха») — к угрозе «прикрыть» социологию¹².

Когда в стране было положено начало профессиональным исследованиям общественного мнения, мой коллега Борис Докторов назвал это событие социальной мутацией, мощным сбоем внутри политической системы, неожиданным и даже противоестественным скачком, внезапным переходом с разрешенной властью орбиты, на которой следовало находиться социологии, на другую, ранее запрещенную¹³. «Рубя правду-матку», можно сказать, что речь идет об очередном *lucidum intervallum* власти, в период которого могли происходить некоторые подвижки. Не менее важно еще одно обстоятельство: появление на общественном горизонте целеустремленных людей, готовых брать на себя полную ответственность за дело, добиваясь воплощения идей конструктивного преобразования жизни и увлекая за собой сочувствующие массы. Число их было не слишком велико, но след они оставили заметный. Один из таких людей — социолог

¹² Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 111.

¹³ Докторов Б. З. Изучение общественного мнения в ближайшие десятилетия: Россия перед лицом вызовов нового века: Докл. на Междунар. симпоз. «Пути России — 2006» (Моск. школа социальн. и эконом. наук; Москва, 3–4 февраля 2006 г.). (Рукопись). С. 7. Цит. по: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.

Борис Грушин, сумевший, по словам его же товарищей, ««из ничего, собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом» создать целую отрасль социологической науки в нелегкую пору своей “третьей молодости”»¹⁴.

В 1952 г. студент философского факультета МГУ им. Ломоносова Борис Грушин защитил дипломную работу «Проблемы исторического и логического в „Капитале“ Маркса». А еще три года спустя он написал кандидатскую диссертацию «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Ее основные идеи не нашли поддержки на Ученом совете. В 1955 г. диссертанта Грушина провалили на предзащите. Но, как говорит русская пословица, нет худа без добра. Именно отсюда началась отечественная история социологических исследований общественного мнения.

Способный ко многим видам интеллектуального труда, Грушин стал редактором отдела пропаганды газеты. Создание Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП») было результатом коллективных размышлений. Кроме Грушина, в этом участвовали тогдашний главный редактор «Комсомольской правды» Ю. Воронов, ее будущий главный редактор Б. Панкин, заместитель Грушина по отделу пропаганды журналист В. Чикин¹⁵.

19 мая 1960 г. газета сообщила об открытии на своих страницах ИОМ «КП»: «С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение дает возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для пропагандистской работы. Оно будет вестись путем социологических обследований и опроса самых широких слоев населения одновременно в разных географических районах страны»¹⁶.

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет. За это время было проведено 27 опросов. Причины прекращения его деятельности лежат

¹⁴ Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.

¹⁵ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. С. 364–365.

¹⁶ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 47–48.

в русле судеб разномыслия в условиях советского общества того времени. Начнем с факторов контекстуальных. Наиболее важный из них — социально-политический климат в стране. Он претерпевал изменения. Время содружества между журналистами и исследователями («оттепель») сменилось временем напряженности и даже определенных конфликтов профессиональных интересов каждого цеха. Информация об общественном мнении в условиях «застоя» становилась «непубликабельной». Она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией. Не случайно количество публикаций по материалам опросов в 1960–1964 гг. (58) было вдвое больше числа аналогичных материалов за 1964–1967 гг. (29).

Еще один фактор — отношения между наукой и властью. Все, что не обслуживало мифотворчество, вызывало, как издавна повелось на Руси, настороженность руководства страны. Информация отвергалась, если она не подкрепляла статус-кво. «Застой» вступал в свои полновластные права! Два «прокола» ИОМ «КП» вызвали недовольство власти партийной и комсомольской (такая тоже была, и весьма претенциозная, в лице ЦК ВЛКСМ) и стали поводом для его закрытия. Исследование «Комсомольцы о комсомоле» (проводилось в марте — апреле 1966 г., во время XV съезда ВЛКСМ), вопреки ожиданиям комсомольских вождей, обнаружило высочайший уровень разочарованности молодежи в своей организации. Молодежь отвергала многие сложившиеся способы и практики работы ВЛКСМ, отрицательно оценивала свое участие в его деятельности. Таких выводов система не прощала.

Второй «прокол» — исследование выборности на производстве (проект «Кому быть прорабом?», апрель 1967 г.). Недовольство, если не сказать гнев, партийных идеологов высшего ранга вызвала публикация в газете факта, который объективно вытекал из результатов социологического опроса. Выяснилось, что народ активно поддерживал демократическую идею выборности начальников на производстве на всех уровнях, чуть ли не до министра, выступая против их назначения. Судьба ИОМ «КП» была предрешена. В декабре 1967 г. институт закрыли.

Для любознательного читателя сообщу еще один характерный для того времени факт. Отчет об исследовании выборности на производстве

было решено опубликовать. Небольшим тиражом он был выпущен в свет в виде «Информационного бюллетеня Советской социологической ассоциации». Но отпечатанный тираж долго задерживали. В конце концов по прямому указанию партийных органов его уничтожили. Мне известны фамилии только двух владельцев этого раритета. Так что знать историю советской социологии небесполезно и собирателям редких книг¹⁷.

Я хорошо помню то время, когда социологи были вынуждены имитировать научную деятельность, что было обусловлено насильственным внедрением планов социального развития (ПСР) трудовых коллективов (конец 1970-х — начало 1980-х годов). Суть социологической деятельности в тот период состояла не в анализе социальной ситуации, а в разработке бесконечных текстов (социальные паспорта, карты социального фона), призванных доказать осуществимость невозможного — гармонии в отношениях человека и агонизирующего общества. ПСР считались важнейшим инструментом социальной политики — они составлялись в директивном порядке; их идеология базировалась на сочетании положений научного коммунизма и западной школы «человеческих отношений»¹⁸. Собственно научное познание уходило на второй и третий планы.

Основа этих и других ударных проектов состояла в том, что они в полной мере опирались на социальную философию государства. Вместо того, чтобы помогать людям (конкретному человеку) понять собственное своеобразие и неповторимость в толпе предшественников и современников, социология делала все от нее зависящее, чтобы затушевать смысл индивидуального существования. Наперекор всему она пыталась погрузить человека в поля коллективных переживаний, в глубины общего и недифференцированного опыта, «вталакивала» людей в потоки общего согласия, единодушия, внушала необходимость стремления к однородности, униформизму, пыталась приучить к стабильности как норме повседневного существования¹⁹.

Здесь лежат корни принципиальных, можно сказать, генетических несовершенств методов и техники многих, в первую очередь «заказных»,

¹⁷ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. С. 366.

¹⁸ Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 228.

¹⁹ Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 295.

социологических исследований 1970–1980-х годов — отрыв методик от реальных жизненных проблем и представлений людей, утрата целостного человека в качестве объекта исследования, математический фетишизм как демонстрация псевдоточности на недостаточной фактической и содержательной основе, своеобразный культ формальных методов в ущерб содержательному анализу, «приправленный» прагматическими обещаниями (как форма сопротивления идеологизации «сверху»)»²⁰.

К концу брежневского правления масштабы мифотворчества (пик которых пришелся на середину 1970-х годов) начали заметно снижаться. Преодоление власти мифов наблюдалось прежде всего в образованных слоях, в сознании интеллигенции. Показательны ситуация и отношение к государственной лжи внутри самой партии. По мере ослабления власти официальные идеологические структуры уже не могли так жестко контролировать опровержения мифов со стороны ученых. «К тому же партийные руководители, будучи такими же людьми, как все, тоже уставали жить в виртуальном мире и лгать себе и другим. Хотя их систематически накачивали сверху, требуя показательных расправ с ревизионистами, выполнялись эти указания, как правило, формально и неохотно»²¹.

В постбрежневский период (1982–1985) также можно обнаружить серьезное влияние политического фактора на содержание и качество социологических исследований, стремление удержать «неуправляемых интеллигентов» в границах послушания²². Начало периода ознаменовалось попытками Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова стимулировать радикальные изменения. Хотя, как отмечает Л. Степанов, в ту пору консультант ЦК КПСС, никакой продуманной программы переустройства общества у Андропова не было, «но некая воля к действию от него исходила»²³. «Мы не знаем, где очутились. Мы не знаем общества, в котором мы живем», — писал новый генеральный секретарь ЦК КПСС в 1983 г. на страницах журнала «Коммунист» в своей статье «Карл Маркс и некоторые вопросы коммунистического

²⁰ Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, СПб. фил., 1997. Кн. 1–2. С. 195, 197.

²¹ Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, Т. И. Калугина. Новосибирск: Наука (Сиб. предприятие РАН), 1999. С. 73.

²² Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder; London: Westview Press, 1987. P. 251–253.

²³ Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов: Документы. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 223.

строительства в СССР». Именно там он отметил разрыв слова и дела, замену реальных дел лозунгами и в качестве главного порока предыдущего режима назвал его деятельное участие в создании мифологической реальности.

Но и тогда, в период короткого андроповского правления (1982–1984), дело ограничилось лишь словесными заявлениями нового лидера о необходимости видеть общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами. В этот период даже решения партийных форумов принародно утрачивали свою силу. Доклад К. Черненко на июньском пленуме ЦК КПСС (1983), посвященный вопросам идеологической работы партии, включил в себя долгожданное признание в том, что «в современных условиях назрела необходимость создания специализированной системы изучения потребностей, мнений и настроений трудящихся масс, опирающейся на специфические методы выявления и анализа общественного мнения и позволяющей получать по любому вопросу, в любой момент представительную и в масштабах всей страны информацию»²⁴.

Более того, Пленум признал необходимым создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения и поручил Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС внести предложения по организации этого центра²⁵. В реальности политической воли и желания создавать новую демократическую институцию у лидеров партии не было. 8 сентября 1983 г. в ЦК КПСС были приглашены шесть ведущих социологов страны: Б. Грушин, Ю. Замошкин, Э. Клопов, Н. Лапин, В. Шубкин, В. Ядов. Перед ними была поставлена задача: подготовить до конца месяца проект постановления Секретариата ЦК КПСС о создании ВЦИОМа. Работали как каторжные в стенах Отдела науки ЦК и под «присмотром» работников Отдела. 27 сентября группа завершила свой труд. Авторы вежливо поблагодарили за работу, отметили ее высокое качество и выразили ритуальное пожелание, чтобы социологи завершили свой труд на заключительном этапе подготовки партийного документа²⁶.

Открытие ВЦИОМа от «холостого выстрела» 1983 г. отделяли целых четыре года. В действительности же даже сложившийся к тому

²⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14 июня 1983 г. М., 1983.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Открывая Грушина / Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 477–479, 482.